

Глава 7 Просьба о близости

Чжоу-гэр принёс целую корзину овощей. Фан Цзычэнь с хрустом умял два свежих огурца, а вот к каше, которую сварил Чжао-гэр, даже не прикоснулся.

Зато Гуай-цзай уплетал её за обе щеки, да с таким аппетитом, что Цзычэнь снова невольно вздохнул.

«Внешность бывает обманчива...»

Если бы он сам не попробовал днём эту бурду, то наверняка решил бы, что мальчику достался как минимум деликатесный суп из морепродуктов.

В доме не хватало буквально всего. Вечером, наскоро сполоснув ноги, все трое улеглись в постель — делать в темноте было решительно нечего.

Кровать, наспех сколоченная старостой и его помощниками, оказалась узковата. В конце концов, её мастерили для одного человека — кто же знал, что Фан Цзычэнь окажется настолько прытким и уже на следующий день обзаведётся и фуланом, и ребёнком.

Цзычэню с детства приходилось тесниться в одной постели со старшими братьями, так что соседство его не смущало. Да и будь он трижды против, выбора не оставалось: кровать в доме была всего одна, и не выставлять же отца с сыном спать на порог — он всё-таки не был законченным мерзавцем.

Лежать втроём было тесновато. Чжао-гэр забился к самому краю, стараясь буквально вжаться в стену. Стоило Цзычэню лечь рядом, как сердце юноши пустилось вскачь. Он боялся даже вздохнуть. И хотя их разделял спящий между ними Гуай-цзай, гэр кожей чувствовал исходящее от мужчины тепло. Этот сухой, мягкий аромат чужого тела кружил голову, заставляя молодого человека окончательно растеряться.

В тишине он слышал, как Цзычэнь негромко переговаривается с сыном.

— А ну признавайся, ты во сне брыкаешься? — донёлся шёпот Цзычэня. — Не хотелось бы мне посреди ночи получить пяткой в нос. Ноги-то хоть помыл сегодня?

— Помыл, — послушно отозвался Гуай-цзай. Мальчик лежал на спине, чинно сложив ручки на животе, и вовсю хлопал глазами — сон к нему явно не шёл.

Сам Фан Цзычэнь примостился на самом краю. Днём он успел вздремнуть, а теперь мысли путались, живот подводило от голода, и уснуть было решительно невозможно.

— Что, не спится? — спросил он.

— Угу... — кивнул малыш.

— Надо же, такой маленький, а уже страдаешь взрослой бессонницей. Дела-а... — Цзычэнь усмехнулся и повернулся на бок, лицом к сыну. — Ладно, давай я тебе сказку расскажу.

Гуай-цзай сказок отродясь не слышал, поэтому тут же оживился:

— Да! Давай!

— Жил-был на свете один мальчик. И вот как-то раз ночью он никак не мог уснуть. Лежал он с закрытыми глазами и думал: «Ну почему же мне не спится?» Думал он, думал, и в конце концов...

— ...И что дальше? — не выдержал Гуай-цзай.

Чжао-гэр тоже невольно навострил уши.

Цзычэнь, верный своей привычке валять дурака, закончил историю на редкость незатейливо:

— ...И в конце концов — уснул.

Чжао-гэр: «...»

Гуай-цзай: «...»

Малыш разочарованно надул губы, но усталость взяла своё. Всё-таки днём он изрядно потрудился, собирая дикие овощи. Чжао-гэр, как обычно, принялся ласково похлопывать его по груди, и Гуай-цзай, пробормотав что-то невнятное, наконец провалился в глубокий сон.

Супруг убрал руку и замер, не шевелясь. Цзычэнь приподнял голову и заговорщицким полущёпотом спросил:

— Чжао-гэр, ты тоже не спишь? Хочешь, и тебе сказку расскажу?

Чжао-гэр: «...»

— Ну... давай.

— Жил-был один гэр, который никак не мог уснуть. Лежал он с закрытыми глазами и думал: «Ну почему же мне не спится?» Думал он, думал, и в конце концов — уснул.

Чжао-гэр: «...»

Наступила тишина. Цзычэнь слушал его сбивчивое, неровное дыхание и уже собирался было что-то добавить, как вдруг услышал тихий голос со стороны:

— Гуай-цзай уснул... Ты... ты хочешь этого?

Лунный свет пробивался сквозь щели в старых окнах и дыру в крыше, так что в комнате было не совсем темно. Чжао-гэр мёртвой хваткой вцепился в жёсткую циновку. Лицо его оставалось неподвижным, а голос звучал так обыденно, будто он спрашивал соседа при встрече: «Ты уже обедал?» — ничего постыдного или смущающего.

Фан Цзычэнь сначала даже не понял, о чём речь, и просто глупо уставился на него. Юноша опустил глаза, не смея встретиться с ним взглядом, и на его бледной шее, прямо у ворота рубахи, начал проступать нежный, как лепестки персика, румянец.

В этот момент до Цзычэня дошло. Главные меридианы Жэнь и Ду в его мозгу будто разом прояснились. Он резко подскочил, и ветхая кровать отозвалась угрожающим скрипом.

— Ты... как ты можешь такое говорить?! — в его голосе смешались шок и недоверие. — Мне всего восемнадцать! Побудь ты человеком!

Его бурная реакция испугала Чжао-гэра. Тот судорожно вздохнул и приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но Гуай-цзай во сне недовольно проворчал и перевернулся на другой бок, лицом к Цзычэню. Гэр принялся осторожно похлопывать сына по плечу, пока тот снова не задышал ровно.

Эта заминка лишила юношу остатков храбрости. Он замолчал, и Цзычэнь уже решил было, что тот осознал свою ошибку и теперь сгорает от стыда. Но Чжао-гэр заговорил снова — тихо, почти шёпотом, в котором ясно слышались тревога и неуверенность:

— Ты правда... не хочешь?

Фан Цзычэнь смотрел на него во все глаза. Лишь через мгновение он вспомнил, что находится в деревне Сяохэ, а не в своём современном мире.

Здесь восемнадцатилетние ханьцзы уже давно обзаводились и жёнами, и детьми. В представлении Чжао-гэра близость в таком возрасте была делом совершенно естественным. Это лишь сам Цзычэнь, проживший прошлую жизнь по строгим правилам, всё никак не мог перестроиться.

Он понимал, что движет его фуланом. Оказавшись в безвыходной ситуации, связанные узами брака с совершенно незнакомым человеком, слабые люди вроде Чжао-гэра неизбежно чувствовали страх. Тот отчаянно пытался доказать свою полезность. Днём он был послушным и трудолюбивым, ловя каждое слово Цзычэня. А ночью... ночью он хотел стать для него кем-то необходимым. Неважно кем, лишь бы в нём нуждались. Если он будет полезен, если будет послушен — значит, его не прогонят.

Просить о близости во второй раз молодому человеку было невыносимо стыдно.

Он закусил губу и зажмурился, спрятав лицо за спиной сына. Цзычэнь видел лишь его пунцовое ухо, которое не могла скрыть даже щуплая фигурка Гуай-цзая.

Фан Цзычэнь ладонью коснулся головы мальчика. Голос его зазвучал глухо, без тени осуждения:

— Мне восемнадцать. Там, откуда я родом, в таком возрасте ранняя близость, мягко говоря, не поощряется. К тому же... — он похлопал по кровати под собой, — посмотри на наше положение. Ты серьёзно думаешь, что у меня голова занята подобными вещами? Да если я и захочу, эта развалюха нас выдержит?

Он перевёл взгляд на подрагивающие плечи гэра.

— Если не считать вчерашнего вечера, мы знакомы всего день. В моём понимании такие вещи делают только с теми, кого любят. Я уважаю тебя и считаю равным себе. Если я сейчас прикоснусь к тебе, то кем я буду? Спать с почти незнакомым человеком... технически можно, я бы ничего не потерял. Но это было бы проявлением неуважения к тебе. Ты не инструмент для удовлетворения моей похоти, понимаешь?

Цзычэнь вздохнул.

— Я помог тебе, но тебе не нужно принижать себя, пытаясь отплатить мне таким способом.

«Заниматься любовью... это когда любовь есть, тогда и занимаются»

Гуай-цзай мирно посапывал, даже не подозревая, какие философские темы обсуждают двое взрослых.

Чжао-гэр долго молчал. Наконец из-за спины мальчика раздался его приглушённый, дрожащий голос — казалось, он едва сдерживает слёзы:

— Да... я понял.

Фан Цзычэнь облегчённо выдохнул и растянулся рядом с Гуай-цзаем. Малыш свернулся калачиком, сжав крошечные кулачки, его щеки покраснелись во сне. Цзычэнь, забавляясь, легонько тронул его за кончик носа. Гуай-цзай забавно пошевелил губами, но не проснулся. Летние ночи были душными, от ребёнка исходил жар, а на лбу выступили капельки пота. Мужчина не глядя накрыл его лоб ладонью и не слишком деликатно — скорее даже грубо — вытер пот. Голова бедного мальчика при этом несколько раз качнулась туда-сюда.

От этих движений Гуай-цзай затылком ткнулся в лоб Чжао-гэра. Поразительно, как он умудрился не проснуться после такой встряски.

Юноша приподнялся. Его глаза всё ещё были красными, ресницы — влажными, а на лице читалось явное смущение. Он посмотрел на Цзычэня с укоризной:

— ...Не тормози его.

Цзычэнь усмехнулся:

— Я не торможу, я пот вытирал.

Он был человеком отходчивым и не собирался заикливаться на неловком моменте. Заметив, что гэр всё ещё чувствует себя не в своей тарелке, Цзычэнь ткнул пальцем в щеку сына и в шутку заметил:

— Бедный поросёночек. Мы зажали его с двух сторон в такую жару — как бы он к утру не испёкся.

Увидев, что Фан снова весел и будто бы забыл об их разговоре, Чжао-гэр немного успокоился. Смущение сменилось легким раздражением, и он поспешил заступиться за сына:

— ...Никакой он не поросёночек.

Цзычэнь весело подмигнул ему и сложил руки за головой.

— Ну, я же не называю тебя старой свиньёй, так что не принимай на свой счёт.

Чжао-гэр: «...»

— ...Замолчи уже, — гэр сердито воззрился на него своими круглыми глазами.

Язык у Фана всегда был без костей. Глядя на возмущённого супруга, он расплылся в улыбке:

— Ладно-ладно. Давай я тебе песню спою? Она как раз идеально подходит к твоему нынешнему виду.

В его глазах заплясали озорные огоньки, а в улыбке появилось что-то дерзкое и бесшабашное. Чжао-гэр сразу почувствовал неладное и уже открыл рот, чтобы отказаться, но Цзычэнь уже всюду распевал на странный мотив:

— Глаза твои — словно два медных колокола, сверкают молниями пронизательности!..

Чжао-гэр не выдержал и просто накрыл его рот ладонью.

Фан Цзычэнь: «...»

<http://bllate.org/book/15357/1414170>